

## **III.**

### **Мыслители**



АВТОР И ЕГО ГЕРОЙ.  
ИАКОБ ЦУРТАВЕЛИ И ЦАРИЦА  
ШУШАНИК

**В**иктор Гюго пишет относительно чувств Жана Вальжана к его воспитаннице Козетте: *«Le pauvre vieux Jean Valjean n'aimait, certes, pas Cosette autrement que comme un père; mais, nous l'avons fait remarquer plus haut, dans cette paternité la viduité de sa vie avait introduit tous les amours; il aimait Cosette comme sa fille, et il l'aimait comme sa mère, et il l'aimait comme sa soeur; et, comme il n'avait jamais eu ni amant, ni épouse; comme la nature est un créancier qui n'accepte aucun prêtet, ce centiment-là aussi, le plus imperdable de tous, était mêlé aux autres... et l'amour proprement dit était dans sa tendresse énorme*

*pour Cosette comme le filon d'or est dans la montagne, ténébreux et vierge»<sup>1</sup>.*

Мы не знаем ничего о родне Иакоба Цуртавели, была ли у него семья: жена, дети, другие близкие, но и для него его духовная воспитанница Шушаник стала средоточием его чувств, многих разновидностей любви.

О чувствах, которые связывали его с его героиней, Иакоб иногда пишет прямо, иногда указывает косвенно, иногда они сами прочитываются в его писаниях.

Когда в начале он представляет свою героиню, то пишет так: *«От отца именем Вардан, а любовно (по любви) имя ее Шушаник»*. Спрашивается, по чьей любви? Если бы эта любовь носила узкий характер, то и любовное имя осталось бы достоянием узкого круга, и нам представили бы героиню ее отеческим именем Вардан. То, что имя Шушаник затмило имя Вардан, по-видимому, свидетельствует о том, что и любовь эта носила широкий характер. Сви-

---

<sup>1</sup> Victor Hugo. *Les Misérables*. Quatrième partie. Livre quinzième. I. Buvard, bavard. «Бедный старый Жан Вальжан, конечно, любил Козетту только как отец, но мы уже отмечали, что его сиротская жизнь включила в это отцовское чувство все виды любви: он любил Козетту как дочь, любил ее как мать и любил ее как сестру. Но поскольку у него никогда не было ни возлюбленной, ни жены, а природа – это кредитор, не принимающий опротестованного векселя, и это чувство, наиболее стойкое из всех, примешивалось к другим... И любовь в собственном смысле присутствовала в его огромной нежности к Козетте, как золотая жила находится в недрах горы, сокровенная и нетронутая» (перевод наш – И. З.).

детельствует и о том, что в этом чувстве и у автора была своя доля, – иначе, что за дело было ему до этой любви? Что этим словом указывает он не только на общее чувство, но и на свое, указывает нам и на свою любовь. Энергия этого чувства преодолела пятнадцать веков и не ослабела, не поблекла. Силою и этого чувства – хотя не только ею – писание Иакоба и сейчас продолжает оставаться не только памятником и документом эпохи, но все еще исполненной жизни историей.

«Мученичество Шушаник» – биография христианской мученицы. Но ни сама героиня-мученица, ни свидетель и описатель ее героизма не были узкими фанатиками. Поэтому эта маленькая повесть, вместе с героической историей Шушаник, может поведать еще о многом, кроме непосредственно обозначенной в заглавии темы. Между прочим, о тех разнообразных чувствах, которые связывали автора с его героиней.

Шушаник для Иакоба – это прекрасное создание, красивая женщина, обаятельная личность. О красоте Шушаник Иакоб прикровенно свидетельствует в самом начале своей повести, когда представляет свою героиню словами, взятыми из Священного Писания: *«И женой его<sup>2</sup> была дочь Вардана армянского спаснета, о которой вот написал вам, от отца именем Вардан, а любовно имя ее Шушаник, богобоязненная, как это мы сказали, от отрочества своего»*. Это предложение своим

<sup>2</sup> Варскена питиахша.

строем несомненно указывает на историю другой Шушаник – Сусанны из Ветхого Завета и на ту характеристику, которая дается ей в книге пророка Даниила: *«В Вавилоне жил муж, по имени Иоаким. И взял он жену, по имени Сусанну, дочь Хелкия, очень красивую и богобоязненную»* [Дан 13, 1–2]. В цуртавелевском варианте фразы пропущены именно эти два слова, которые имеют отношение к внешней красоте героини: *«очень красивая»*. Но благодаря сближению Шушаник с библейской Сусанной и сопоставлению с ней отсвет свойств второй из них все равно падает и на первую. И из этих свойств первой, кроме благочестия и невинности, является как раз *«зельная»* красота, которая свела с ума старцев-судей и довела их до преступления [Дан 13, 8 и посл.]. Эти два пропущенных слова – свидетельство таланта и интуиции Иакоба. Одно из многих, милостью которых *«Мученичество Шушаник»* и ее автор являются тем, чем они являются.

То, что Иакоб Цуртавели в данном случае ограничился аллюзией и частичным цитированием, оправдано разными ролями, которую внешняя красота играет в том и другом случае. В случае с Сусанной эта роль главная, ведущая. Потому что именно ее красота и вызванный этой красотой соблазн являются движущей силой ветхозаветной драмы. А в трагедии Шушаник красота – это всего лишь сопутствующее обстоятельство, которое, правда, усиливает, подчеркивает ведущий мотив. Но главной причиной является все-таки

христианская вера героини. Поскольку не ее красота послужила соблазном для ее мучителя и мужа Варскена, но ее вера, подчеркивание с самого начала ее красоты – сыграло бы роль лишней и фальшивой ноты. Возможно также, что прямо и от своего имени говорить о красоте героини мешали автору скромность и целомудрие.

В то же время красота его героини была для Иакоба дополнительным, но немаловажным обстоятельством. Поэтому он сначала прикровенно указал на эту сторону личности своей героини. Потом на протяжении повести разными штрихами подкрепил это указание, и уже в конце повествования, когда другие, уже описанные и прошедшие обстоятельства не могли затенить впечатления и оно окончательно (а вышло, что навсегда) запечатлелось бы в памяти читателя или слушателя, – прямо сказал нам об этом, притом не ровным повествовательным тоном, но в патетической, поэтической, возвышенной речи. И сказал это устами самой героини, которая после всех перенесенных трудов и скорбей, у самого края могилы все-таки оплакала свою красоту и свою молодость. *«Воздаст ему<sup>3</sup> Господь, как он безвременно плоды мои собрал и свечу мою угасил, и цвет мой иссушил, красоту добра моего помрачил и славу мою унизил»<sup>4</sup>*. А с оплакиванием – по силе воздействия не может сравниться никакое, даже

---

<sup>3</sup> Варскену питахшу.

<sup>4</sup> *Мученичество*, XVI.

самое искусное восхваление.

Тем более не могла бы сравниться с этой маленькой поэмой простая и несколько отстраненная констатация в виде двух этих слов: *«очень красивая»*. Патетическое самосвидетельство Шушаник приобретает и силу объективного свидетельства, поскольку оно высказано во всеуслышание, и притом перед лицом смерти. Правдивость свидетельства подтверждает и то обстоятельство, что автор дал ему место на страницах своей повести. Свидетельство Шушаник о своей красоте Иакоб не поместил бы в ее жизнеописании, если бы по его мнению оно было недостоверным, или несообразным, или неуместным. По всему видно, что и в этом случае Иакоб сочувствует своей героине. Что свидетельство Шушаник о своей красоте, ее поэтический и восторженный автопортрет, это свидетельство и самого Иакоба.

Прекрасному созданию приличествует подходящее украшение. Сама Шушаник переживает по поводу того, не нужно ли вернуть мужу некогда подаренные им драгоценности. Этот муж вдвойне изменник – изменник своей супруги и изменник Истинного Бога, как именует своего Господа Шушаник. Поэтому что за вопрос – возвращать или не возвращать его подарок? Тем более задавать его столь несвоевременно и неуместно – в темнице, после перенесенного безжалостного и уродующего избиения. Но ведь это не только подарок. Это драгоценности, еще более украшающие прекрас-



ную женщину. Ее красота уже сильно пострадала от перенесенных пыток: распухшее лицо, разбитые зубы и челюсть. Но Шушаник все еще не теряет самоощущения красивой женщины. И автор разделяет его и сочувствует ему.

Красота Шушаник в дальнейшем, за годы заключения в темнице подвергается еще большему разрушению: распухшие ноги, червями и гноем изъеденная плоть. Но израненное и изъязвленное тело, которое сама мученица пренебрежительно именуется *«убогой этой плотью моей»*, все-таки *«снаружи для людского глаза»* облачено *«в антиохийский палекарт»*<sup>5</sup>, в одежду из дорогой ткани. Разумеется, это богатое одеяние должно в первую очередь скрыть от людского глаза носимую под ним власяницу. Но ведь эту функцию могла наверное взять на себя другая, более простая одежда. Так что и этот палекарт свидетельствует о том же – что до конца жизни Шушаник не теряет высокой самооценки. И Иакоб и здесь сочувствует своей героине, несмотря на то, что перед его глазами – страшный результат ее многолетних мук и самобичевания.

В выражении Шушаник: *«красоту добра моего помячил»* – ее внешняя привлекательность не простая, поверхностная *«красота»*, но лексически и онтологически сложная и многослойная *«красота добра»*. Это удвоение придает красоте Шушаник глубину и нравственное измерение.

<sup>5</sup> Мученичество, XV.

Для поверхностного взгляда печаль Шушаник по поводу своей красоты и ее украшений может показаться признаком слабости и суетности. А со стороны автора, сохранение и обнародование этих фактов свидетельством собственной несерьезности и невольным обличением героини.

Но быть внимательным к внешнему благообразию своей героини принуждали автора не только верность правде, сочувствие и эстетическое восприятие, но и интуиция большого писателя и глубокого христианина. Во-первых, красота Шушаник под пером Иакоба предстает не каким-то отдельным свойством и игрищем дьявола, но еще одним даром среди многих даров, которыми украшена эта благословенная женщина: благочестия, доброты, самоотверженности и многих других. Кроме того, внешняя привлекательность придавала дополнительный вес подвигу Шушаник, прибавляла еще одну грань к той жертве, которую она принесла Христу. Потому что не только ее мучитель Варскен, но в первую очередь сама Шушаник не пощадила своей красоты, и не только тем, что вместе с жизнью и молодостью обрекла ее на уничтожение, но больше тем, что дала растоптать ее мучителю супругу – биением, заключением в темницу и голодом, и растоптала сама – постом, власяницей, бдением и разнообразными утрусениями. Красота – одна из составляющих частей того добра и славы, которую Шушаник отдала на «омрачение» и «унижение» – вместе с молодостью,

царственностью, четырехкратным материнством, и наконец, самой жизнью.

Вместе с тем Иакоб и по-другому являет гениальную интуицию и глубокое христианское сознание. Ведь христианство самое человеческое, гуманистическое религиозное учение. Это та вера, в которой высокий и неотмирный Бог не пренебрег человеческим естеством, не погнушался облечься человеческой плотью и родиться общим для всех людей образом. И когда по Воскресении вознесся на небеса, Он не сбросил, как змеиную кожу, человеческую природу, но совознес с Собою и с этой природой *«сел одесную Бога и Отца»*. Когда первомученик Стефан увидел перед смертью небеса отверстые и Иисуса Христа, стоящего одесную Бога, Тот предстал перед ним в образе Сына Человеческого, т. е. попросту человека [*Деян VII, 56*].

Как воспринятая человечность не помешала Господу Иисусу Христу исполнить Свою миссию, так же не могла и женственность и обычные для нее свойства – внимание к своей внешности, любовь к украшениям – помешать верной и самоотверженной ученице Христа совершить ее героическое деяние. Напротив, как воспринятая Господом человеческая природа дала Ему возможность во всей полноте совершить Свое миссию, так же и все достоинства и украшения, какими она располагала, дали возможность святой Шушаник с максимальной полнотой осуществить свое мученическое

призвание, пожертвовать Богу не только жизнью, но всем, чем она в земной жизни обладала, а вместе и всей своей внутренне и внешне прекрасной личностью.

Любовь Иакоба к Шушаник не алчна и не эгоистична. Он не претендует на какое-то исключительное положение рядом со своей героиней. Он согласен, чтобы его чувство было бы лишь одной из составляющих той общей любви, которую вызывает в людях притягательная личность Шушаник, ее героическое деяние и еще ранее, до времени подвига, посеянное добро.

*«Она же сказала мне: – вспоминает Иакоб жалобу Шушаник в начале ее исповеднической драмы, – для меня одной беды эти»<sup>6</sup>.* Это справедливая жалоба, о чем свидетельствует вся последующая история, ибо кроме Шушаник никто не стал жертвой предательства и жестокости Варскена. Но для любящего сердца Иакоба невыносима эта правда, и он предлагает своей царице то, что в его силах, – сочувствие, печаль и свой талант для описания ее героизма и самоотверженности.

*«Беда твоя – беда наша и радость твоя – радость наша»*, – обращается Иакоб к Шушаник [Ср.: 2 Кор 2, 3]. Но это утешение, это сочувствие он предлагает не только от своего имени, но от имени всех тех людей, которых он мыслит участниками своего чувства.

Здесь же Иакоб открывает нам еще одну чув-

---

<sup>6</sup> *Мученичество*, III.

ствительную нить, которая его – и не только его – связывала с Шушаник. *«Нашей не только ты царицей лишь была, но на всех нас, как на детей, смотрела»*. Иакоб с любовью и благодарностью воспринимает святую царицу, как своего покровителя, как названую мать.

Какую силу имеет чувство благодарности Иакоба к Шушаник, как покровительнице, воспитательнице и *«матери»*, показывает его разговор со стражем темницы, в которую была заключена царица.

*«Я же встал и пришел и сказал стражу тому: „Меня только одного впусти и посмотрю язву ту ее”. Он же сказал мне: „Вдруг узнает<sup>7</sup> и убьет меня”. А я сказал ему: „Несчастный, не ею ли ты воспитан? Да если и убьет тебя за нее, что из того?!” Тогда впустил меня тайком»<sup>8</sup>.*

*«Что из того?»* Что это – пренебрежение к судьбе простого человека, темничного стража, презрение к жизни и смерти другого? Но объяснение такой безоглядности содержится в предшествующей фразе: *«Не ею ли ты воспитан?»* Так понимает Иакоб долг воспитанника перед своей воспитательницей. В первую очередь свой личный долг перед святой царицей. Это не только и не столько увещание другого, сколько собственное исповедание, символ веры. Именно Иакоб является тем, кто на протяжении целых шести лет, пока

---

<sup>7</sup> Варскен.

<sup>8</sup> *Мученичество*, VII.

продолжалась голгофа Шушаник, наиболее последовательно и самоотверженно непрерывно исполнял этот долг. Несмотря на двойное строгое предупреждение Варскена питиахша, что к Шушаник – под страхом сурового наказания – никто не должен был входить, *«ни мужчина, ни женщина»*<sup>9</sup>, мы не раз встречаем Иакоба у Шушаник, который проникает к ней, приручив стража или вышеприведенным наставлением, или *«многую мольбою»* и обещанным подарком (*«обещал сосуд один для него»*)<sup>10</sup>.

Между прочим, приведенная выше беседа со стражем и напоминание ему о покровительстве Шушаник, указывает, какой широкий и непереборчивый характер носила забота и попечение святой царицы в отношении своих подданных. Нет ничего удивительного в том, что Шушаник со вниманием относилась к своему придворному священнику, но оказывается, такую же заботу проявляла она и в отношении простого стража, человека, стоящего на одной из низких общественных ступеней, и на него, а с ним, кто знает, на скольких людей – *«знатных и незнатных»*, *«на нас всех, как на детей, смотрела»*.

Мы не знаем, сколько времени до того, пока настал час испытания, Шушаник покровительствовала Иакобу. Но знаем, что это покровительство

---

<sup>9</sup> Мученичество, VI, IX.

<sup>10</sup> Мученичество, X.

продолжалось до самой кончины Шушаник.

*«И настал день тот призвания ее. И призвала епископа дома своего Афоца... Поручила < ему > меня, человека грешного и нищего этого».* Если мы прочтем эту фразу полностью, перед нами предстанет в высшей степени напряженный, возвышенный, нагруженный важнейшими выражениями и действиями момент, в который происходит «поручение» Иакоба епископу Афоцу.

*«И настал день тот призвания ее. И призвала епископа дома своего Афоца и воздавала благодарение ему за участие к ней, как отцу и кормильцу. Поручила меня, человека грешного и нищего этого, и поручала ему останки те костей своих и приказывала положить на месте том, откуда первый раз выволокли, и говорила ему: „Если достойна я чего-то, последняя эта одиннадцатая делательница виноградника, будьте все благословенны до века времен”. И благодарила Бога и сказала: „Благословен Господь Бог мой, ибо в мире о Нем легла и уснула”. И предала душу свою Господу, всех приемлющему»<sup>11</sup>.*

И в такой напряженный и отмеченный мистическим подъемом момент, когда Шушаник, как признанная святая, оставляет мощи и свое благословение своей стране и народу, и возносит благодарение Богу за вечный мир, который ожидает ее в Царствии Божьем, она не забывает свое «дитя» – священника Иакоба, и как последний акт земного

<sup>11</sup> Мученичество, XVIII.

попечения о нем, «поручает» его епископу Афоцу.

На это поручительство падает ответ одного похожего и повсеместно известного акта: двойного поручения друг другу распятым Иисусом Своей Матери и младшего ученика, Иоанна Богослова.

*«Иисус же виде Матерь и ученика стояща, егоже любяше, глагола Матери Своей: Жено, се, сын Твой. Потом глагола ученику: се, Мати твоя... Посем ведый Иисус, яко вся уже совершишася... преклонь главу, предаде дух» [Ин XIX, 26–30].*

Схожесть двух этих текстов, с одной стороны, отражает реальность, поскольку несомненно Шушаник действительно поручила своего пресвитера придворному епископу. Но она одновременно носит и нарочитый характер, ибо от автора зависело, упоминать ли вообще эту деталь и помещать ли ее в текст именно таким образом.

А ведь какую глубину, какую силу придает свет Евангелия, тень Иисуса и Его евангелиста взаимоотношениям Шушаник и Иакоба, как названных матери и сына, как покровительницы и покровительствуемого, мученицы и описателя мученичества.

Но Иакоб любит Шушаник не только, как дитя свою мать, но также, как отец свое дитя, или вернее, как отец и мать одновременно, ибо обращение Иакоба с Шушаник иногда отмечено материнской нежностью, иногда даже поистине женской чувствительностью.

*«И как вошел я внутрь < темницы >, увидел*



*образ<sup>12</sup> ее разбитый и опухший, и возвысил я голос и плакал... я сказал святой Шушаник: „Прикажи мне, и обмою кровь эту с лица твоего, и золу, которая глаза твои засыпала, и мазь и лекарство положу тебе, чтобы, ей, ночью тебе исцелиться”. Святая же Шушаник сказала мне: „Пресвитер, этого не говори, ибо кровь эта очищение грехов моих”. Я же немного принудил ее принять снеди... Тогда сказала мне святая Шушаник: „Пресвитер, я не в силах отведавать, ибо челюсти и некоторые зубы сокрушены”. Тогда принял я немного вина и хлеба, размочил, и немного отведала»<sup>13</sup>.*

Обращает на себя внимание это «прикажи мне, и обмою кровь эту с лица твоего». Какая осторожность и почтительность просвечивает в этом обращении Иакоба. Избитая и замученная, оказавшаяся в жалком положении, Шушаник и сейчас остается для Иакоба той же царицей, госпожой, к которой, даже для оказания помощи, он не может притронуться без ее позволения, без ее приказа.

Отеческое чувство, отеческое попечение Иакоба двойственно – оно плотское и духовное. Сочетание этих двух сторон, их нераздельность в Иакобе хорошо видна в следующем его поучении, обращенном к Шушаник.

*«И как исполнялся шестой тот год в темнице*

---

<sup>12</sup> Лицо.

<sup>13</sup> Мученичество, VII.

*той, от излишней утружденности в трудах тех бодрости ее недуг болезни постиг ее, о котором я наперед вопиял ей и говорил так: „Не слишком, ибо отягощаешь плоть эту сверх, ибо не потерпит тебе и потом уже никак не способна будешь творить какое-то дело доброе стольким этим жестоким постом и присным стоянием и еженощным утруждением, псалмами и пением”*<sup>14</sup>.

Иакобом движет не только «плотская» жалость, но также более возвышенная забота, чтобы его духовная дочь верно рассчитала свои силы и не изнемогла раньше времени. В то же время Иакоб нигде не теряет за счет исключительной духовности, одностороннего спиритуализма, простого земного сочувствия и сострадания к царице-мученице, с болью воспринимает, как лично испытываемые, язвы и раны Шушаник, навсегда запоминает дни ее пыток.

*«А начало страданий тех святой Шушаник – в месяце апниси, в восьмой месяца и в день четверга; и второй раз биение ее – после праздника Исполнения<sup>15</sup>, в день понедельника; и опять мучение в месяц роз девятнадцатого»*<sup>16</sup>.

В этом примечательном образцовом двуединстве духовному началу все-таки, как и подобает, отдается преимущество. Нигде на пространстве

---

<sup>14</sup> Мученичество, XIV.

<sup>15</sup> Пасхи.

<sup>16</sup> Мученичество, XX.

повести Иакоб не только не изменяет призванию истинного духовного отца, но даже в малейшей степени не колеблется в поддержке непреклонности Шушаник. Он не делает и не говорит ничего такого, что могло ослабить позиции святой царицы. Не умоляет Шушаник, как запуганные Варскеном Джоджик и его жена: *«Ты – сестра наша, не погуби дома этого царица»*<sup>17</sup>. Или епископ Афоц, который вместе с Джоджиком и его женой *«множество убедительных слов говорили ей»*, чтобы она вернулась к мужу. Так что Шушаник, с одной стороны, вынуждена была строго отвергнуть их мирную инициативу. *«Люди мудрые, вы добро говорите, однако не верьте, что я буду уже его женой. Думала я, что его к себе обращаю и Бога истинного исповедует, а ныне меня принуждаете это сделать? Да не будет того со мной! И ты, Джоджик, уже не деверь мне и я уже – не твоего брата жена, и жена твоя не сестра мне, которые на его стороне и его дел общники»*. А с другой стороны, все же пойти на определенный компромисс, и временно вернуться во дворец. *«Знаю, что я сестра и вместе воспитаны, и того не могу сделать, чтобы кровопролитие случилось, и вы все стали повинны»*<sup>18</sup>. Компромисс, который привел к противоположному результату и стал как раз причиной кровопролития, первого жестокого

---

<sup>17</sup> Мученичество, V.

<sup>18</sup> *Ibidem*.

избиения Шушаник.

В Иакобе не замечается и следа таких колебаний. Не потому ли, что он первый осознал, первый прозрел то, что другие увидели лишь тогда, когда подвиг Шушаник был уже совершен, когда царица, еще находясь во плоти, уже стала признанной Богом и людьми святой?

В повести многие сочувствуют Шушаник, оплакивают ее, пытаются облегчить ее муки, но только одному персонажу можем мы присвоить звание соратника Шушаник, и им является наставник и описатель ее подвига Иакоб Цуртавели. Положение еще не ясно, никто не знает, как будут развиваться события после возвращения из Персии предавшего Бога и супругу Варскена, а Иакоб уже стоит рядом с будущей страстотерпницей, предупреждает, наставляет и ободряет ее.

*«Епископа же того дома того питиахшева, который назывался именем Афоц, не было там, но в обитель человека некоего святого приходил спросить некое слово. И меня, пресвитера царицы Шушаники, с собою имел епископ тот. И вдруг прибыл к нам диакон из дому и рассказал нам это все: приход питиахша и деяния царицыны. Мы же исполнились печали и великим плачем плакали, огорченные, о выявлении грехов наших. Я же отпросился раньше и достиг городка того, в котором и пребывала блаженная Шушаник, и как увидел ее огорченную, и я плакал с нею же. И сказал блаженной Шушаник: „В брань великую всту-*

*паешь, царица, оберегай веру Христову, как бы враг, подобно гангрене, пастбища не обрел в тебе”.* Святая же Шушаник сказала мне: „Пресвитер, а я к великой брани и готова”. А я сказал ей: „Так и есть, будь бодра, вынослива и долготерпелива”... И сказал я достоблаженной той тайком: „О чем думаешь, скажи мне, чтобы мне знать и описать труд твой”. Она же сказала мне: „Что это ты спрашиваешь у меня?” Я ответил и сказал ей: „Твердо ли стоишь?” А она сказала мне: „Да не будет со мной, чтобы я приобщилась к делам и грехам Варскеновым”. Я ответил и сказал ей: „Горек разум его, ранам и мучениям великим предаст тебя”. Она же сказала мне: „Лучше для меня от рук его смерть, чем мое и его схождение и погибель души моей”... А я сказал: „Так и есть”<sup>19</sup>.

Трудно сказать, насколько нуждалась мужественная царица в таких советах и ободрениях. Ее реплики по поводу наставлений Иакоба и вся повесть скорее свидетельствуют о том, что Шушаник не нуждалась ни в предостережениях, ни в ободрении ни в начале, ни на каком-нибудь последующем этапе. Но во всяком случае, Иакоб и здесь дает знать Шушаник о своей поддержке и, насколько и в чем зависит от него, помогает и служит грядущей на страсть царице.

Уже при первом собеседовании Иакоб со всей ясностью, до конца осознает, личностью какого призвания, какой силы является его духовная

---

<sup>19</sup> Мученичество, III.

дочь. До конца, ибо приведенная выше первая беседа наставника и ученицы показывает, что для Иакоба в общем с самого начала не являлся тайной героический дух Шушаник. Ему только нужно было вызнать, понимает ли Шушаник величину испытания и насколько тверда ее готовность. И когда убеждается в этом, убеждается, что Шушаник *«с усердием на смерть»* идет<sup>20</sup>, ему остается лишь две задачи: одна, это встать рядом с ней в этом испытании, и вторая – высказанная в обращении к Шушаник: *«О чем думаешь, скажи мне, чтобы мне знать и описать труд твой?»* Задача, неожиданная для Шушаник – *«Что это ты спрашиваешь у меня?»* И, может быть, для самого Иакоба. Неожиданная и, с одной стороны, неуместная и несвоевременная, как если бы Иакоб торопил и так уже тяжкую, невыносимую для обычного человека, участь Шушаник. А с другой стороны, наилучшим образом показывающая восторженное отношение Иакоба к своей героине. В то время ведь не писали (по крайней мере, в Грузии) книг о простых, обыкновенных людях. И если Иакоб обещает Шушаник описать ее подвиг, ее *«труд»*, это означает, что Шушаник видится ему, как избранная личность, историческая фигура, достойная оказаться в ряду, в котором стоят столпы христианской Церкви – мученики, подвижники и Сам Подвигоположник Христос.

Это и есть величайшая и самая главная любовь

---

<sup>20</sup> *Мученичество*, V.

Иакоба – любовь к великой героине, самоотверженной христианке, верной служительнице Господа. Если бы не эта любовь, все другие, рассмотренные выше, чувства Иакоба имели бы лишь скоропреходящее, исчезающее значение. По крайней мере, как отмечалось выше, в тогдашней Грузии никто не потратил бы ради них хартию и чернила. Силой этого чувства Иакоб не остался простым наблюдателем и летописцем, но стал причастником героического деяния и славы святой царицы, своей героини.

Другие персонажи, по крайней мере, до определенного времени, смотрят на Шушаник, как на слабое существо. Это можно предположить в отношении Варскена, который не только сам поменял веру, но и дал твердое обещание персидскому царю, что и Шушаник обратит в эту новую веру. По-видимому, не понимая, что, по слову Иакоба, *«то наобещал ему, чего это не имел из рук Шушаник»*<sup>21</sup>. То же в виде декларации высказывает и персидский пособник Варскена: *«Как я узнал, жена твоя отступила от тебя. А я скажу тебе: никакого жестокого слова не скажи ей, ибо женская природа тесна»*<sup>22</sup>. Это же мнение, по-видимому, разделяют Джоджик и епископ Афоц. Это последнее особенно примечательно, так как представление о природной слабости, *«тесноте»* Шушаник, как женщины, толкает христианского

---

<sup>21</sup> *Ibidem* I.

<sup>22</sup> *Мученичество*, IV.

пастыря, епископа Церкви на то, чтобы требовать возвращения жены-христианки к мужу, отступившему от Христа. Только проявленная на протяжении многих лет несгибаемость примирила всех с волей Шушаник.

Перед одним только Иакобом не стояла проблема приятия или неприятия самопожертвования царицы. Быть может, в первую минуту он еще сомневался, насколько его духовная дочь и покровительница готова вступить «в брань великую». Но последующие страницы «Мученичества» уже представляют собой восторженное описание одоления в этой великой брани. В описании Иакоба Шушаник не только «готова» к великому подвигу, но ее духовная сила, ее внутренняя потенция намного превышают постигшее ее искушение. Нет такой раны или язвы, такой боли и горечи, плотской или душевной, чтобы эта удивительная женщина своей внутренней силой, стремлением к совершенной жертве, лекарством своей веры, сладостью божественной любви не смогла победить, даже нарочито утяжелить и порой превратить почти в игрушку.

*«И как вошел я внутрь, увидел образ ее разбитый и опухший, и возвысил я голос и плакал. Святая же Шушаник сказала мне: „Не плачь о мне, ибо началом радости стала для меня ночь эта”»<sup>23</sup>.*

*«И сказали блаженной Шушаник так: „Детей тех твоих обратил < Варскен > к волхвованию”.*

---

<sup>23</sup> *Ibidem*, VII.



Тогда начала кланяться Богу с плачем великим, и головою своею билась оземь, воздохнула и сказала: „Благодарю Тебя, Господи Боже мой, ибо и были-то не мои, а Тобою данными были. Как изволишь, да будет воля Твоя, Господи, а меня сохрани от дел вражских”»<sup>24</sup>.

«В Великих же тех Постов пасхальных пятидесятные дни за шесть лет ни днем ни ночью не присядет, не уснет, ни еды какой не примет, только в день лишь воскресный причастится Тела и Крови Христа Бога нашего, и немного лишь похлебки из зелени сотворенной – и то немного – примет... И с того дня, с которого заключили ее в крепости той, к подушке головы не приложит, только кирпич положит себе в изголовье»<sup>25</sup>.

«И как наступал седьмой год, постигла святую и треблаженную Шушаник и язва плоти ее и от непрестанных трудов тех распухли ноги ее и гной истекал по местам. А язвы были велики и черви завелись в язвах тех, которого-то и взяла рукою своею и показывала мне и благодарила Бога. И сказала: „Пресвитер, тяжким не почитай это, ибо там-то червь побольше и не умирает”. А я, как увидел червя того, немисливо сильно опечалился и плакал весьма. Сказала мне с гневом: „Пресвитер, что печалишься? Чем бессмертными теми червями съедение, лучше да будет этими смертными съедение здесь же в этой жизни”. А я ответил и

---

<sup>24</sup> *Ibidem*, XII.

<sup>25</sup> *Ibidem*, XIV.

сказал: „Власяную одежду малой что ли почла для скорбей, и ныне червям этим радуешься?“».

В последнем эпизоде повести чувство автора к своей героине, в котором любовь соединяется с восхищением, достигает высшей точки. За картиной перенесения тела Шушаник из темницы в храм, или вернее, в самой этой картине, явно просматривается евангельское описание снятия со креста Спасителя, в епископах Иованэ и Афоце, которые обвили «чистым саваном» и вынесли тело Шушаник, – Иосиф Аримафейский и Никодим, в других участниках перенесения, которые отмыли тело новомученицы «от червя того землистого и гноя и обрядили» его и с возжженными свечами и каждением благовоний отнесли его в церковь, – жены-мироносицы, в самом Иакобе – любимый ученик Иисуса, который видел «засвидетельствовал, и истинно свидетельство его» [Ин XIX, 35], а в святой мученице – Сам Спаситель.

И таким образом любовь к Шушаник в сердце и в разуме Иакоба сливается и соединяется с любовью к Господу Иисусу Христу, не книжный, но живой и поразительный пример которой явила автору его героиня.

